

Евгений Меринов

Д. Беглая

12+

# Евгений Владимирович Меринов Д. Беглая

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=42185182](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42185182)*

*SelfPub; 2019*

## **Аннотация**

История о том, чем может обернуться посещение заброшенного дома.

Еще со студенческих лет меня влекло к заброшенным городам и поселкам. Не знаю, чем они мне нравились, наверное, своей таинственностью и неизвестностью. Историю люблю, а у заброшенных домов тоже есть своя история. В них когда-то жили, радовались, женились, рожали детей, отмечали Новый год и Дни рождения, иногда кого-то хоронили. В общем, была в них жизнь, а затем ее внезапно не стало.

Особой надежды посетить такие места у меня не было. Известные такие города находятся далеко, о неизвестных я ничего не знал. Поэтому ограничивался только просмотром фотографий и чтением статей.

Однажды, мой друг Сашка, проживающий в далеком райцентре, посетив в очередной раз город, в разговоре обмолвился о том, что ему часто приходится ездить по району, отдаляясь от дома на приличные расстояния. То лошадей заблудших ищет, то охотится, то пиломатериал с дровами заготавливает. По его словам, километрах в сорока от поселка, от пролегающего с запада на восток основного тракта, в северном направлении отходит в лес старая дорога. Деревья там худые и кривые, для заготовки не годятся. Скотина туда никогда не забредает, охотники, грибники, ягодники не ходят. До поворота на эту дорогу вдоль тракта в радиусе двадцати километров нет никакого жилья. Сам он на старую дорогу никогда не сворачивал. Незачем было, да и жутко там. Даже нужду справить на обочине, останавливаться не захочется.

Но от старшего поколения ему известно, что километрах в двадцати от поворота находится небольшая деревня Беглая. Точнее, раньше находилась. Когда и кем деревня основана, он не знает. Во времена колхозов и совхозов стояли в ней па-секи, жители мед заготавливали. В конце семидесятых годов где-то за деревней военные с учеными произвели подземный ядерный взрыв. О негативных последствиях никому не сообщалось, но жителей деревни, вроде, расселили. Только в райцентре этих жителей никто не видел, где им дали жилье, никто не знает.

Заинтересовался я этой историей. Но никаких сведений про такую деревню и подземный ядерный взрыв в том месте, не нашел. На снимках из космоса ее не видно. Есть на картах основной тракт, есть отворот от него. Но дороги и деревни нет. Только леса и поля.

Примерно через месяц после этого разговора, в конце января, решил я с другом Толей съездить к Сашке в гости. От города ехали на машине около шести часов. По приезду баня, ужин, самогон, все как полагается. И, конечно, завел я разговор о той деревне. Говорю, что нет ее на картах. Сашка спорит, мол, как нет, если местные старожилы утверждают, что есть. В общем, решили с утра туда поехать. Я для таких целей из дома предусмотрительно «зеркалку» взял.

Утром просыпаемся рано. Хмель выходит, сомнения приходят. Спрашиваю Сашку, как же мы до деревни доедем, если она уже тридцать с лишним лет заброшенная. Там же до-

рога, наверное, непролазная. Но после недолгих рассуждений решаемся попробовать, не дома же сидеть.

Загружаемся втроем в Сашкин новый УАЗ. Берем с собой две лопаты, топор, лом, дрова, хлеб, колбасу, воду и ружье с патронами. Планируем к вечеру вернуться. До поворота с трассы добираемся без приключений. День солнечный, температура градусов двадцать, не ниже. Пейзаж, в общем-то, однообразный – лес сменяется полями. Однако, подъезжая к повороту, сразу заметна разница. Лес слева, напротив поворота, стройный и красивый. Справа же, там, где поворот, деревья чахлые, завядшие. Сворачиваем с трассы на старую дорогу, шириной в одну полосу, и проезжаем метров тридцать, останавливаясь перед ржавым металлическим шлагбаумом. Удивительно, как за столько лет его никто не распилил и не сдал в металлолом. Выхожу из машины и пытаюсь сдвинуть с места стрелу шлагбаума. Не выходит. Только совместными усилиями сдвигаем ее с противным скрипом с места, освобождая проезд. Садимся в машину. Все задаемся вопросом, как же эта дорога, по которой больше тридцати лет никто не ездил, не заросла кустами и деревьями, и снега на ней почему-то мало, притом, что у Сашки почти по пояс во дворе наметено.

Едем, ни разу не забуксовав. Через двенадцать километров лес кончается, по правую и левую сторону расстилается поле. Очертаний дороги не видно, но где-то через пятьсот

метров вновь начинается лес. Двигаемся прямо к нему. Снова видим между деревьями дорогу. Не перестает удивлять то, что машина не касается снега мостами, не проваливается. Нам же и лучше. Вновь начавшийся лес выглядит гораздо хуже. Березы клонятся в одну сторону к земле, на многих соснах пожелтевшая хвоя, кора на деревьях облезла. Километров через шесть лес заканчивается, а на дороге вновь виден металлический шлагбаум. Только он открыт. За лесом дорога спускается под гору. Внизу, на белом снегу, как на ладони, перед взором предстает деревенька, целиком состоящая из деревянных домов, дворов пятьдесят, не больше. До нее остается метров двести. Деревня буквально окружена лесом. Только слева и справа от нее есть небольшие поля. Дома расположены вдоль одной стороны единственной улицы, перпендикулярно примыкающей к дороге, по которой мы едем. Другой своей стороной улица почти подступает к руслу замерзшей речки, через которую перекинут деревянный мост. За деревней сразу же начинается подъем, заросший лесом. Дорога, по которой мы двигаемся, заканчивается перекрестком с этой единственной улицей. Тупик. Больше из деревни путей нет, только в обратном направлении. Подъехав к мостику, останавливаемся и выходим. На улице невероятно тихо. Перед мостиком стоит столб с выцветшей, облупившейся табличкой, на которой можно прочитать только «Бег», остальных букв не видно.

Сашка садится за руль и осторожно переезжает мостик. За

мостом либо вправо, либо влево. Решаем никуда не поворачивать, а оставить машину сразу за мостом. Рядом с мостом под деревянным навесом имеется лавка. Видимо, когда-то это место являлось остановкой.

Наспех съев по бутерброду, решаем идти осматривать дома. Беру фотоаппарат. На часах полдень. Часа за два думаем управиться. Идем по дороге налево. Удивляет то, что в окнах, по крайней мере, со стороны улицы, все стекла целые. На некоторых висят занавески. Изгороди ровные, дома добротные, не покосившиеся и не вросшие в землю. На крышах лежит снег слоем не менее полуметра. Мы же не проваливаемся в него и на пять сантиметров. Заборы и дома не заметны. Будто кто-то снег до нашего приезда очистил. Но следов никаких, ни человека, ни животных. Возможно, ветра здесь сильные, и сдувают снег. Но почему тогда с крыш не сдувают.

Доходим по улице до крайнего дома. Калитка открывается без скрипа. Дом не заперт. По обстановке видно, что люди уходили отсюда быстро, вещи не брали. В коридоре на вешалке висит женское пальто, мужская и детская куртки. На полу пара кирзовых сапог, женские старомодные туфли. Очень странно выглядят три обстоятельства: люди, покидая дом, не взяли даже одежду, в доме полный порядок, все в очень хорошем состоянии, не смотря на прошедшие десятилетия. Слой пыли всюду, конечно, толстый, но в остальном придраться не к чему. На кухне стол застелен скатертью,

на ней самовар. Рядом три пустые чашки на блюдцах, фарфоровая сахарница. Около стола четыре табурета. На кирпичной печи сложены сковороды и кастрюли. Заглядываю в топку, там дрова. На буфете стопка тарелок, в стеклянной банке алюминиевые ложки и вилки. Снимаю крышку с сахарницы, а внутри сахар. В буфете нахожу небольшие тряпичные мешочки и железные баночки с гречкой, манкой, перловкой, рисом. Все в целости, ни жуками не поеденное, ни истлевшее. В зале на стенах фотографии в рамках, почти все черно-белые. Есть два старых овальных фото мужчины и женщины. Фронтальная карточка лейтенанта, что на овальном фото, в форме, с медалями, около танка, на фоне каких-то развалин. Пара семейных снимков из фотоателье. Фотография молодой симпатичной девушки с усатым кавалером. Две цветные, редкость того времени – та же девушка, только постарше, с мужчиной и женщиной, возможно родителями, на фоне Московского Кремля, с подписью «Москва, лето 1977», и на фоне моря, с подписью «Ялта, лето 1977».

В углу телевизор в лакированном деревянном корпусе, заботливо накрытый платком. Наверное, в конце семидесятых, тем более в деревне, телевизор был роскошью и его спасали бы в первую очередь. Еще из мебели присутствуют диван, кресло, стол, комод. На полу дорожка, на окне шторы. В спальне внимание привлекает ковер, не выцветший, не поеденный молью. Железная кровать с панцирной сеткой аккуратно застелена покрывалом. Рядом детская кроватка, в

которой на подушке лежит погремушка-зайчик. Открываем шкаф, а в нем вещи. На полках постельное белье, одежда, пеленки. На плечиках мужской костюм, два платья. На тумбочке около кровати губная помада. По всему телу понеслись мурашки. Вижу, и парни чувствуют себя нехорошо. Заходим во вторую спальню. Шкаф, застеленная кровать, стол, стул. На столе тетради, учебники. Один из них открыт, будто его недавно читали. Беру его. «История. 6 класс». Кладу на место. Быстро все фотографирую и перед тем, как уйти, заглядываем в комод. От того, что видим, всех бросает в жар. Среди прочих бумаг, на виду лежат два паспорта СССР и два зеленых свидетельства о рождении. Не рассматривая, кладу в карман. Чувствую, на воздух надо. Выходим на улицу. Облокотившись да стену дома, закрываю глаза. Вокруг давящая тишина. Вдруг, где-то рядом мычит корова. От неожиданности сначала запинаясь и падаю, только потом открываю глаза. Ни коровы, ни парней. Вылетаю из ограды громко чертыхаясь. Парки уже напротив соседнего дома стоят. Спрашиваю про корову. Они отвечают, что не слышали. Сашка поясняет, что так далеко коровы не могут забрести, может, показалось или ветер шумел.

Решаем еще в один дом зайти. Двери не заперты, обстановка победнее, но все вещи также на месте. Все выглядит жилым, если бы только не толстенный слой пыли. На улице становится холоднее. Возвращаемся к автомобилю, но движемся мимо него в сторону деревенского клуба. Двери за-

крыты, через окно видно сцену, на которой стоит пианино, с развернутыми на нем нотами. Желания проникать внутрь нет. Подходим к расположенному рядом магазину. Заходим внутрь. Уже не удивляет, а пугает то, что на прилавках есть крупы, консервы, макароны, соль, папиросы. Упаковки все старинные, я такие и не видел, но очень хорошо сохранившиеся, можно сказать, как новые. Не понятно, как все до сих пор лежит на своем месте. Беру банку тушенки. Среди нескольких выдавленных чисел видно 1978. Возвращаю банку на полку. Сделав несколько снимков, собираемся выходить из магазина, но видим в помещении магазина проход, над которым имеется надпись «Хлеб». Захожу туда, а там прилавков с хлебом. И хлеб на нем выглядит, как только что привезенный с хлебозавода, только запаха хлебного нет. Сводит желудок. Выбегаю на улицу, где меня рвет. Становится легче. Решаем, что пора уже уезжать из такого странного места. Идем к машине, но замечаем узкий проход между домами, ведущий к небольшой часовне. Все одновременно говорим о том, что, когда подъезжали к деревне, не было ее. Отбросив сомнения, идем по проходу. В отличие от остальных строений, часовня в очень плачевном состоянии, стены закопченные, дверь обгорелая, окна забиты досками, креста на крыше нет. Видно, пожар в ней был. Дверь открыта, заходим внутрь. Стены черные, все выгорело, ничего не осталось. Вдруг голос низкий, нараспев, как у батюшки: «беги-те». Я дышать не могу. По лицам друзей вижу, что они тоже

слышали и тоже дышать не могут. Потом срываемся, бежим к машине. Сзади собачий лай. С ходу запрыгиваем в машину. Собак за нами нет. На улице темнеет. Странно, не дольше двух часов, кажется, ходили. На моих часах двенадцать. Столько же, как и перед нашей прогулкой. Секундная стрелка не движется, не идут часы. Достāju телефон, не включается, видимо, аккумулятор разрядился. У парней часов нет, телефоны тоже не работают. Сашка пробует завести машину, а она не заводится. Он ругается, говорит, что не было такого, машина новая. На улице, становится холоднее. Открыли капот, смотрим. Да чего мы там увидим. Вдруг рядом с нами трактор затарахтел и соляжкой пахнуло. Всего секунды две длилось. Но самого трактора нет. Смотрю, Сашка упал. Я с Толей за машину схватиться успели. Ноги свинцовые, сдвинуть с места не могу. Кое-как в себя приходим, Сашку тормозим. Очухивается. Пробуем снова машину заводить. Со всем стемнело. Пешком бежать некуда, далеко, замерзнем. На улице уже ниже тридцати. Пальцы замерзают. В багажнике есть бумага и доски. Разжечь не получается, не горит огонь в зажигалках. Зато доносится запах горящего дерева, как если бы печку затопили. Но в темноте не видно, идет ли из какой-либо трубы дым. Со стороны клуба донесся звук пианино. Мелодию не разобрать. Трясет уже всех троих. И от страха, и от холода. Через какое-то время девичий смех. Паника одолевает.

Заводится двигатель машины. Не ясно, почему не заводился. Разворачиваемся, подъезжаем к мосту, а он сломан. И не только что, а давным-давно, видны прогнившие бревна. Съезжаем на лед реки. На другом берегу выбираемся на дорогу, но, сразу же, вязнем в снегу по бампер. Откуда столько снега взялось. Откапываем лопатами. Смотрю на указатель на столбике перед мостом. Четкими белыми буквами на синем фоне написано «д. Беглая». И мост снова целый.

Потихоньку едем. Добираемся до леса. На пути шлагбаум. Выхожу из машины и вижу, что он заперт на навесной амбарный замок. Шлагбаум никак не объехать. Только замок сбивать либо таранить шлагбаум машиной. Начинается сильный ветер. Слышим стон из леса. Точнее, сдавленные, тихие стоны мужских, женских и детских голосов. Оборачиваюсь назад, в сторону деревни. Во всех домах горит свет. Чувствую, если в руки себя не возьму, упаду в обморок. Теперь Толя упал без чувств, затаскиваем его в машину. Протаранить шлагбаум не получается, скорости не хватает. Ломом и топором кое-как ломаем замок, едем дальше. Доезжаем до поля. Дороги нет, леса с противоположной стороны поля не видно. Темнота. Медленно двигаемся вперед. Лес виден то справа, то слева. Метель такая, что свет фар не помогает. Кажется, что ездим кругами. Находим лес и дорогу. Она стала лучше, машина не вязнет, двигаемся быстрее. Сзади появляется свет фар, который быстро приближается. Лес заканчивается,

видим открытый шлагбаум, а внизу, как на ладони, мостик и деревню, где в каждом доме горит свет. Не выдерживаю и теряю сознание.

Пришел в себя, когда на улице уже рассвело. Двигатель заведен, в машине тепло. Сашка с Толей в отключке. Растолкал их. Осмотрелись. Сидим в уазике рядом с поворотом на старую дорогу с основной трассы. На моих часах десять. Телефон работает, полный заряд. Спросил, все ли помнят, что было, или мне приснилось. Каждый рассказал, что видел. В целом, истории совпали. На дату в телефоне глянул. Получается, что не ездили мы никуда, дата вчерашняя. У парней на телефонах такое же число.

Вылезли из машины. Тело затекло. Впереди нас следов нет, за нами свежие следы нашего УАЗа, тянущиеся от тракта. Достал свой фотоаппарат, нет в его памяти ни одной фотографии. Толя предложил карманы проверить. Все обшарил, но нет паспортов СССР и свидетельств о рождении. Может, перебрали вчера. Все, одинаково. Постояли, помолчали, развернулись и поехали к Сашке домой. На следующий день возвратились в город.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.